

За секунду до рождения мира, или Как выжить в Царстве теней (поиск ключей к «Науке логики» Гегеля — ключ № 4)

Сухно А. А.,

к. ф. н., Московский авиационный институт
(национальный исследовательский университет),
Москва, Россия; 125993, Волоколамское шоссе, д. 4;
volyakvlasti@mail.ru

Гулин В. В.,

м. н. с., Институт автоматизации проектирования РАН,
Москва, Россия; 123056, 2-я Брестская ул, д. 19/18;
kornet104@gmail.com

Аннотация: Статья посвящена раскрытию замысла «Науки логики» Гегеля. По мнению авторов, это попытка представить фундаментальный уровень мышления, где отсутствует противоположность между сознанием и его предметом. Здесь нет необходимости обосновывать соответствие между ними — это уровень первичного основания знания, а следовательно, любое знание, достигаемое на этом уровне, может быть охарактеризовано как «абсолютное». При этом таким знанием у Гегеля является не серия специфических высказываний, а определённый способ организации тех «мысленных определений», которыми уже пользуется здравый человеческий смысл. Но чтобы организовать соответствующим образом эти определения, превратить их в последовательно развёртываемую цепь логических понятий, необходимо сначала предпринять попытку остановить поиск первичного основания для знания, присущего философии с самых её истоков. Эта попытка нашла своё отражение в теории познания Канта, где проблема достоверности знания решалась за счёт самоограничения в процессе познания — нужно было остановиться перед некой чертой, за которой мысль покидает «пределы возможного опыта» и попадает в область неразрешимых противоречий (антиномий). Логика Гегеля, которая, по мнению авторов, находится в своеобразном «симбиозе» с кантовской программой, состоит в том, чтобы рассмотреть эти неразрешимые противоречия именно как «симптом» достижения первичного основания знания. Именно при столкновении с неразрешимым противоречием происходит организация определений в необходимую логическую последовательность, и достигается тот фундаментальный уровень, где нет противоположности между сознанием и его предметом.

Ключевые слова: Гегель, «Наука логики», теория познания, истина, Кант, мышление, понятие, антиномия, рефлектирующий рассудок.

Здравый человеческий смысл, «*Menschenverstand*»¹ представляет собой ловушку для философии. Последняя, начиная с Античности, занимается поиском первичного основания для знания, но каждый раз ответ на этот вопрос оказывается неудовлетворительным, и возникает стойкое ощущение, что поиск идёт по кругу. Поэтому здравый смысл бесцеремонно пользуется достижениями философии, чувствуя себя достаточно уверенно, чтобы рассуждать на философские темы, — коль скоро даже специалисты в этой области не могут добиться значимых результатов.

«Наука логики» Гегеля является знаковым событием для философской мысли, поскольку не предлагает свою версию первичного основания знания, а констатирует как факт, что структура знания как такового имеет форму круга. Или, иными словами, знание обосновывает само себя, и именно это обстоятельство позволяет говорить о нём как об «абсолютном». Тем самым Гегель предполагает достичь некоего уровня рассмотрения, где нет противоположности между сознанием и противостоящим ему предметом, а разворачивает себя логика самого предмета — независимо от логических операций и форм, принадлежащих сознанию.

Однако следует признать, что пока у нас нет ничего, кроме торжественной декларации, что знание имеет в качестве основания самоё себя — что не прибавляет ясности и даже граничит с абсурдом. А потому следует разобраться, что реально стоит за этим заявлением — как знание может обосновывать само себя.

Почему «демон Сократа» должен замолчать, или Контр-ловушка для «*Menschenverstand*»

Для решения поставленной задачи Гегель использует именно тот способ мысли, для обозначения которого он не находит другого термина, чем «диалектический» (также имеющего античные истоки). Попробуем воспроизвести в форме прямой речи, как примерно мог бы размышлять Гегель.

«Итак, мы знаем, что «*Menschenverstand*» использует кругообразный характер знания против философии, не находя ни в одной позиции (логической категории) «ничего особенного», потому что *за ним всегда стоит* другая позиция (другая категория), и потому любая выбранная «точка зрения», любое «мнение» кажется

¹ Принципиальная позиция авторов состоит в том, что философский язык обладает определённой автономией относительно языка «естественного», а значит, используемая в тексте статьи терминология должна дублироваться на языке оригинала. Поэтому здесь и ниже мы будем указывать в скобках, выделяя курсивом, немецкие термины из первоисточников:

Hegel, G. W. F. (1832) *Wissenschaft der Logik*. Available at: <http://www.zeno.org/nid/20009177124> (Accessed 27th February 2022);

Kant, I. (1787) *Kritik der reinen Vernunft*. Available at: <http://www.zeno.org/nid/20009188398> (Accessed 27th February 2022).

В цитатах из «Науки логики» и «Критики чистого разума» термины указываются в той же грамматической форме, что и в самих произведениях, а в основном тексте статьи — в именительном падеже единственного числа. В цитатах немецкие термины, указанные в скобках переводчиками русских изданий «Науки логики» и «Критики чистого разума», курсивом не выделяются.

вполне обоснованным. Тогда мы, в свою очередь, используем саму эту особенность «*Menschenverstand*», чтобы обратить её против него самого.

Мы не будем, подобно самым первым мыслителям, избегать обыденной речи. Нам не нужно замыкаться в молчании, зажимать глаза и затыкать уши, чтобы попытаться уловить «внутренний Логос», Истину в её «стерильной» чистоте. Напротив, мы позволим этой речи проявить себя — будем вслушиваться в ничтожную и пустопорожнюю болтовню. Мы скорее уподобимся Сократу, который давал возможность раскрыться своему собеседнику, чтобы привести его к точке «собственного незнания» — *продемонстрировать невозможность* достижения основания знания. Попробовать предъявить Истину, пережить радикальную неудачу — и публично об этом объявить (с хорошо известными последствиями в виде бокала цикуты). Но в отличие от Сократа, мы не просто осознаем принципиальную *необходимость* такой речи — что, мол, Мнение (δόξα) *должно быть высказано*, чтобы Истина (λήθεια) хоть как-то себя обнаружила, — пусть всего лишь как некое *требование, голос*, звучащий в голове («демон Сократа»), реагирующий на обыденное рассуждение. Наша мысль радикальнее: Истина не просто зависит от высказанных мнений, но она *буквально из них и состоит* (!).

Иначе говоря, Истина (или «Абсолютное знание») — это как раз не фундаментальный «факт», который можно предъявить, а скорее *способ организации* второстепенных «фактов». Истина — это, если угодно, *определённая стратегия* собственного предъявления, определённым образом выстроенная *последовательность* отдельных, случайных («не-истинных») высказываний, которые сами по себе особого значения не имеют (может даже возникнуть ощущение, что ловить здесь в принципе нечего). Истина — это *некий Процесс*, чья сущность раскрывается по ходу его развёртывания, и «*Menschenverstand*» — с его многочисленными «мнениями» и бесконечными блужданиями — необходимый участник этого процесса. Возможно, даже единственный участник, ибо другого «материала» для обнаружения Истины, кроме того, что он нам предоставляет, у нас физически нет.

Поэтому, чтобы стратегия Истины осуществилась, «*Menschenverstand*», обыденное человеческое понимание должно высказаться первым и зайти в своих размышлениях как можно дальше. Поэтому нужно взять паузу, чтобы дождаться подходящего момента, — и только потом вступать в игру. «Демон Сократа» должен на время замолчать — сам «*Menschenverstand*» откроет возможность собственного преодоления, которой нам останется только воспользоваться. Поэтому *точность выбора такого момента* и гарантирует раскрытие сокровенной сущности процесса, то есть — предъявления Истины».

Именно в этом контексте следует понимать заявление Гегеля, что хотя «философией овладел рефлектирующий рассудок», но тем не менее «это направление (*Wendung*), принятое познанием и представляющееся *потерей и шагом назад* (*Rückschritt*) (курсив наш. — А. С. и В. Г.), имеет более глубокое основание, на котором вообще покоится возведение разума (*Erhebung der Vernunft*) в более высокий дух новейшей философии» [Гегель Г. В. Ф., 1997, с. 36]. То есть рефлектирующий рассудок (*reflektierende Verstand*) является как бы полномочным представителем

«*Menschenverstand*» в области философии. И этот «разворот», «*Wendung*» («направление» всё-таки оставим на совести переводчика) чем-то сродни намерению устроить контролируемый взрыв, раз уж его вообще нельзя избежать, — изобрести философский эквивалент «*Menschenverstand*» и позволить ему вторгнуться в наши владения. Тот же принцип, что и при вакцинации, — ввести в здоровый организм «замороженный» штамм вируса, чтобы он вырабатывал антитела к «сильной» версии последнего.

В нашем случае таким результатом станет способность к совершению особой операции «*Erhebung*» — к «возведению» или «возвышению» разума, судьба которого в Новое время оказывается неразрывно связана с рефлектирующим рассудком.

«Под ним («рефлектирующим рассудком». — А. С. и В. Г.) следует вообще понимать абстрагирующий и, стало быть, разделяющий (*trennende*) рассудок, который упорствует в своих разделениях (*Trennungen*). Обращённый против разума, он ведёт себя как *обыкновенный здравый смысл* (*gemeiner Menschenverstand*) и отстаивает свой взгляд, согласно которому истина покоится на чувственной реальности (*sinnlicher Realität*), мысли суть *только* мысли в том смысле, что лишь чувственное восприятие сообщает им содержательность (*Gehalt*) и реальность, а разум (*Vernunft*), поскольку он остаётся сам по себе, порождает лишь химеры» [Гегель Г. В. Ф., 1997, с. 35].

Итак, рефлектирующий рассудок разделяет (*trennen*) «чувственную реальность» (*sinnliche Realität*) на *однородные, изолированные* определения — «нарезает» её на куски, будто рождественский пирог. Эту операцию обычно называют «анализом», «классификацией», «схематизацией», «структурированием» и проч. Её сложно с чем-то спутать: когда сталкиваешься с результатами подобной деятельности, то возникает ощущение, что идёт монотонное «перечисление через запятую» однородных определений, которые комфортно расположились рядом друг с другом и упорно не желают проявлять хоть какую-то «гетерогенность» (достаточно полистать научно-методическую литературу по философии и ознакомиться с ритуальным перечислением, например, «критериев научного знания» — «практичность», «системность», «эмпирическая проверяемость», «объективность» и т. д.).

И здесь Гегель вскользь употребляет ещё один плохо переводимый термин. А именно — «*Denkbestimmung*»: «определение мысли» в переводе Столпнера или «мысленное определение» у Дебольского² (второй вариант, пожалуй, менее двусмыслен) как «оригинальное» произведение рефлектирующего рассудка. Последний полагает, что отражает («рефлектирует») положение вещей в «чувственной реальности», а каждое его определение — это такая абстракция, которая якобы *отражает, воспроизводит* какой-то её самостоятельный фрагмент. Именно такое отражение предмета в сознании, если угодно, его «ментальная копия», в окружении таких же «ментальных копий», и является результатом схематизации, анализа, классификации (и проч.) «эмпирического содержания».

Эти «мысленные определения» (*Denkbestimmung*) рассудка и есть тот «материал», те «второстепенные факты», из которых разум и будет «лепить» Истину.

² Гегель Г. В. Ф. Наука Логики. — М.: Издание Профкома слушателей Института красной профессуры, 1929. — С. 7.

Задача тем самым перемещается в темпоральную плоскость: *в какой именно момент* эта серия однородных определений распадётся, пройдёт «точку пересборки» и обретёт *специфический способ организации*, где каждое определение занимает своё место в рамках некоего целостного процесса, в результате чего и сложится «Абсолютное знание»?

Чтобы такой момент обнаружить, необходимо сначала обратиться к «коперниканскому перевороту» в теории познания, то есть включить в наши размышления философию Канта — увиденную и интерпретированную Гегелем. Ибо именно в рамках кантовской инициативы была предпринята революционная попытка переосмыслить понятие «достоверности» знания, *остановив поиск его первичного основания*. Идея в том, чтобы не давать здравому смыслу, обыденному человеческому пониманию, оружие против философии: поколебать его уверенность, что любой человек имеет прав на истину не меньше, чем философ, поскольку обнаружить такое основание в рамках философии никак не удаётся.

«Кастинг» на роль субъекта познания и жест самоограничения в философии Канта

«Ахиллесова пята» созданного «*Menschenverstand*» образа мышления («формальной логики») — это *теория познания*. Именно здесь сосредоточен основной узел проблем новоевропейской философии, выразившийся в форме столкновения конкурирующих исследовательских программ. То есть повсеместное утверждение этого образа на уровне логики оборачивается серьёзными проблемами в теории познания.

С одной стороны, никто не сомневается в том, что мышление представляет собой *серию операций*, протекающих строго определённым образом *независимо от своего содержания*. И здесь предполагаемая обыденным сознанием «раздельность содержания познания и его формы» придаёт устойчивость этому представлению. Но с другой — независимость логических операций подразумевает то или иное (психофизиологическое, механистическое, субстанционально-метафизическое и т. д.) *устройство мышления*, а потому эффективность самой «отражающей» или познавательной деятельности рассудка оказывается под вопросом.

Гегель во «Всеобщем понятии логики» указывает на это в специальном подпункте о представлениях обыденного сознания (*gewöhnliches Bewußtsein*) о логике. Согласно этому представлению, Предмет и Мышление рассматриваются как «отличные друг от друга сферы». В таком случае отражение «чувственной реальности», производимое рассудком, будет зависеть от множества обстоятельств, зачастую носящих откровенно случайный характер (особенности психики, причуды эволюции, устройство мозга и механизмов восприятия, «разрешающая способность» органов чувств и т. д.) и потому прямо влияющих на оценку достоверности результатов познания. Или, как пишет сам Гегель, мышление, даже «приспособляясь» к предмету, «не выходит за свои пределы» (*nicht über sich hinaus*),

и потому предмет остаётся как нечто «потустороннее мышлению» (*Jenseits des Denkens*), «вещь в себе» (*Ding an sich*)³.

Если мы хотим устранить момент «произвола» (*Willkür*) из деятельности рассудка, но сохранить независимость мышления от его содержания, то вопрос надо ставить принципиально иначе. Следует исходить не из родовых особенностей случайной органической формы жизни (*homo sapiens*), чтобы исследовать условия её познания, но исследовать *сами универсальные условия познания*, чтобы констатировать их наличие у данной конкретной органической формы. Иначе говоря, если такой вид как *homo sapiens* способен к познавательной активности, то, следовательно, устройство его мышления соответствует озвученным условиям. Так и возникает «условие возможного опыта» (*Bedingung einer möglichen Erfahrung*), которое будет универсальным, единообразным для всех потенциально существующих форм мышления, и станет «визитной карточкой» немецкой классики, начиная с Канта.

Таким образом, благодаря Канту наступает прозрение, что «разделяющее определение» (*trennende Bestimmung*) рассудка «фиксирует» в воспринимаемом мире ровно то, что само туда и заложило (!). Так Пигмалион, в строгом соответствии с мифом, всё-таки осознает, что Галатея — его собственное творение⁴. Речь идёт о т. н. «коперниканском перевороте в познании», который противостоит наивному убеждению обыденного рассудка, что мышление соизмеряется со своими объектами, данными ему в чувственном восприятии: «(...) познание нельзя приписать предметам» [Гегель Г. В. Ф., 1997, с. 50], — повторяет Гегель вслед за Кантом, подбирая наиболее лаконичную формулировку его позиции. Если рефлектирующему рассудку казалось, что его определения просто воспроизводят на уровне мышления данные своего эмпирического опыта, то, по Канту, напротив, эти определения предстают в виде «фиксированных», независимых от опыта форм мышления («категорий рассудка»), с которыми, в свою очередь, «эмпирический материал» должен *сообразовываться*, «смиряться» (*sich fügen*).

Это означает, что получение знания происходит вовсе не вследствие «отражающей» активности («рефлексии» в гегелевском смысле) мыслящего субъекта. Оно начинается *ещё до* того, как субъект даст хоть какое-то определение объекту «внешней реальности». Ведь «динамико-математическая» схема познаваемого мира⁵ — это следствие глубинной, невидимой работы, а именно — «процеживания» эмпирических данных через «априорный фильтр» (категории рассудка). Без этой работы никакое знание о предмете в принципе невозможно. Тем самым Кант раскрывает возможность *понимания*, «логической регистрации» предмета, которая не

³ Гегель Г. В. Ф. Наука логики. — СПб.: Наука, 1997. — С. 34

⁴ Удачная формулировка деятельности рефлектирующего рассудка принадлежит Власову А. Д. — автору «Словаря по философии Гегеля»: «Р. р. (рефлектирующий рассудок. — *A. С. и В. Г.*), стало быть, в своих мыслительных занятиях принимает за основу то, что на самом деле является продуктом мышления. Р. р. подобен Пигмалиону, вообразившему, что создание его рук и его гения не зависит от него и существовало от века» [Власов А. Д., 2000, с. 429].

⁵ Кант разделяет категории чистого рассудка на два типа: одни категории относятся к «предметам наглядного представления» (количество-качество), а другие — к «существованию этих предметов» (отношение-модальность) — «математические» и «динамические» категории соответственно [Кант И., 1998, с. 122].

зависит от случайности внешних условий. Например, от устройства человеческого восприятия и мышления — механизмов работы его мозга и превратностей эволюции, влияющих на него. Неизменной остаётся сама логическая форма, через которую и раскрывается содержание данной в восприятии реальности⁶.

И здесь берёт слово Гегель, показывая неудовлетворительность кантовского понимания логики:

«Указанная критика, стало быть, отделила формы объективного мышления только от вещи, но оставила их в субъекте в том виде, в каком она их нашла. А именно, она не рассмотрела этих форм, взятых сами по себе, со свойственным им содержанием, а прямо заимствовала их при помощи лемм из субъективной логики. Таким образом, не было речи о выведении (*Ableitung*) их из (an) них самих (курсив наш. — А. С. и В. Г.)» [Гегель Г. В. Ф., 1997, с. 37].

«Основная его (Канта. — А. С. и В. Г.) мысль — это то, что категории следует признать чем-то принадлежащим самосознанию как субъективному "Я". В силу этого определения воззрение [Канта] не выходит за пределы сознания и его противоположности (*des Bewußtseins und seines Gegensatzes*)» [Гегель Г. В. Ф., 1997, с. 50].

Иными словами, согласно Гегелю, Кант всё-таки остался на уровне «определений рефлектирующего рассудка» — просто сделал их независимыми от опыта. А значит, он оставил в неприкосновенности сам способ мышления «*Menschenverstand*» — ту самую обыденную (формальную) логику, но только вынес её за пределы конкретного, эмпирически существующего субъекта. Иными словами, Кант, решая проблемы теории познания, собрал из определений рассудка «автономно функционирующую» схему обыденного мышления, словно творение Франкенштейна, созданное из разных частей тела. И таким образом, эти проблемы будут решены за счёт реально существующего субъекта, который соответствует требованиям этой «схемы». Идея примерно такова: «чтобы познание состоялось, нужно некое существо с такими-то параметрами, и раз познание имеет место, то значит, существо с такими параметрами уже существует».

Тем самым статус «определений рефлектирующего рассудка» в рамках теории познания оказывается перевернутым. Эмпирическое содержание, которое извлекается из опыта, отходит на второй план — оно всего лишь «материал» для репрезентации априорных структур субъективного мышления.

И этот кантовский вывод совсем не случаен — в противном случае придётся иметь дело с проблемой обоснования этих «определений (категорий) рассудка»⁷. Как мы знаем, это означает столкновение с «тавтологической» организацией знания, где определения мышления обосновывают друг друга «по кругу» (для выведения

⁶ «То, что мы здесь назвали объективной логикой, отчасти соответствовало бы тому, что у него (у Канта. — А. С. и В. Г.) составляет трансцендентальную логику» [Гегель Г. В. Ф., 1997, с. 50].

⁷ Именно этот момент в качестве «линии разграничения» между Кантом и Гегелем подметил создатель современного — «спекулятивного» — материализма Квентин Мейясу: «(...) Кант считает, что можно только описать априорные формы знания (...), в то время как Гегель считает, что их можно дедуцировать. Кант считает, в отличие от Гегеля, что невозможно вывести формы мышления из такого принципа или системы, которая бы придавала им абсолютную необходимость. Эти формы — «первичный факт», который может создать объект с помощью описания, но не дедукции (в смысле генезиса)» [Мейясу К., 2015, с. 51].

логических понятий уже нужно задействовать *те же самые* логические понятия в одной из предыдущих итераций процесса).

И к чему приводят попытки достичь такого «безусловного» (*unbedingt*) основания знания, можно, по Канту, воочию наблюдать на примере *антиномий чистого разума*. То есть таких проблематичных интеллектуальных ситуаций, где *невозможно сделать выбор* между противоположными тезисами — в сфере чистого разума оба они будут одинаково доказуемы. Логичнее предположить, что существует реальный субъект, который содержит эти «определения рассудка» в качестве априорных структур собственного мышления.

Поэтому Кант полагает, что разуму требуется постоянная «эпистемологическая коррекция». Время от времени ему необходимо напоминать о невыполнимости тех или иных задач, о границах его возможностей. «Знание», по Канту, — это, если угодно, *функция*, в математическом смысле, от априорно заданных условий, а потому оно *безусловно необходимо*, если только применяется к объектам возможного опыта. Выход за его пределы будет сродни столкновению с областью разрыва функции, где последняя не может быть определена, поскольку значению независимого аргумента ничего не соответствует. А означает, что достоверность знания должна быть связана с принципиальным *ограничением в интерпретации сущности знания и природы его «достоверности»*.

Знание является «безусловным» («априорно необходимым») не потому, что оно имеет основание (*Grund*), из которого его можно вывести. Но, напротив, потому что разум как раз в состоянии *себя ограничивать*, контролировать *свою активность* в поиске такого основания — в определённый момент он должен сказать «стоп», дойдя до критической точки, предела, а потому он должен научиться распознавать этот момент — когда необходимо остановиться. И постулировать самого себя, структуры собственного мышления («категории рассудка»), в качестве единственной «легитимной» точки отсчёта, начала любого знания. Именно этот *жест самоограничения разума превращает (!)* имеющееся у него знание в «безусловное» и «достоверное». И потому само по себе знание не может быть *выведено* из чего-то безусловного (*Unbedingtes*) — незыблемого основания, которое оно обнаружило бы внутри самого себя.

В этом суть кантовской программы исследований⁸. Мы имеем дело с «фиксированными» логическими формами мышления как «условиями возможного опыта» (*Bedingung einer möglichen Erfahrung*), которые в принципе не могут быть не из чего выведены. Поэтому всякие вопросы об «основании» (*Grund*) и «опосредствовании» (*Vermittlung*) этих форм должны быть в принципе ликвидированы, то есть — переведены в разряд «нелегитимных». Результаты познания в этом случае будут необходимыми и общезначимыми (*allgemeingültig*), но тогда нужен *реальный субъект, «носитель»*, который соответствует выставленным

⁸ Разумеется, мы её изложили не как самостоятельное предприятие со своей собственной судьбой, а в том виде, в каком она способствует раскрытию мысли Гегеля. Если угодно — как *часть* проекта Гегеля. Мы отдаём себе отчёт, что если смотреть «изнутри» самого кантовского трансцендентального проекта, то смысловые акценты пришлось бы расставлять иначе.

универсальным требованиям к познавательной активности, — словно актёр, прошедший кастинг.

Можно ли мыслить внутри кантовской антиномии и жест возвышения в философии Гегеля

Однако можно пойти и другим путём. Вместо того, чтобы «подгонять» теорию познания под определённый образ мышления (независимые от «предметного содержания» операции), нельзя ли отбросить сам этот образ мышления, учредить *иной тип логики*, который непосредственно будет связан с теорией познания и не нуждается в никакой «подгонке»?

Да, можно. Ведь чтобы совершить кантовский жест самоограничения, у разума нет другого выхода, кроме как углубившись в неразрешимые противоречия, в какой-то момент сказать: «Всё, стоп, хватит», — и выбор этого момента останется привилегией *свободного решения* разума. Но что если не прерывать? Что если, напротив, нам необходимо продлевать собственное усилие достичь вещи в себе? Добровольно остаться *внутри антиномии* и держаться там как можно дольше, точно горстка бойцов, прикрывающая отступление армии?

Чтобы понять, что стоит за этим решением, нужно усовершенствовать кантовскую критическую операцию — и обратить её на те выводы, к которым пришёл сам Кант⁹. «Познание нельзя приписать предметам...» — так сказал Кант. «...Но вместе с тем, — словно бы продолжает Гегель, — познание в той же мере нельзя приписать и субъективному мышлению». Это заявление означает, что, по Гегелю, в последовательном («логическом») раскрытии знания *невозможно зафиксировать начало, точку отсчёта*. Ни в качестве «объективного», ни в качестве «субъективного» — чувственного мира (рефлектирующий рассудок) или мыслящего субъекта (Кант). Невозможно указать, что с чем должно соотносываться, и есть ли здесь вообще первое и второе. В этом смысле фундаментальный уровень знания, который Гегель представляет в «Науке логики», — это *искусственно созданная кантовская антиномия*, будто экспериментальный полигон для научного мышления с «экстремальными логическими нагрузками».

В принципе, уже неоднократно шла речь о том, что мы имеем дело с кругом в устройстве знания — и невозможность выбора начала познания только лишний раз подтверждает это обстоятельство. Однако до сих пор мы не принимали во внимание, что существование такого круговорота (*Kreislauf*) одновременно указывает на принципиальную возможность обнаружить в нём *уникальный момент*, когда круг замыкается — мы понимаем, что приходим к точке, в которой уже были, и тогда

⁹ В одном из примечаний во «Всеобщем делении логики» Гегель специально подчеркивает, что его не устраивают именно *выводы*, сделанные Кантом, но не *сама кантовская философия*. «То философствование, которое у нас более всего распространено, *не идет* дальше кантовских выводов (*Resultaten*). (...) Но это философствование непосредственно начинается с того, что у Канта составляет вывод, и этим сразу отбрасывает предшествующие построения, из которых вытекает указанный вывод и которые составляют философское познание» [Гегель Г. В. Ф., 1997, с. 50].

происходит *слияние обеих перспектив*. Именно здесь знание и обосновывает само себя, тем самым снимая абсурдность нашей «тавтологической» декларации.

Что за момент, когда я оказываюсь в точке отсчёта? И вот здесь ответ будет парадоксальным или, как сказал бы Гегель, «диалектическим».

Это будет момент, где я как раз испытываю *затруднение (Schwierigkeit), неразрешимую сложность* — сталкиваюсь с *невозможностью выбора точки отсчёта*, потому что я нахожусь *ровно в этой* точке (!). И в самом деле, я не могу как мыслящее существо находиться от неё *на дистанции*, чтобы отстранённо зафиксировать её наличие, потому что именно в ней я как мыслящее существо получаю своё собственное начало и будущее обоснование. Там, где нас настигают нерешительность и невозможность какого-либо выбора, там, где происходит полное «аннулирование» достигнутого знания, о себе и о мире, и располагается его *начало*.

Мир, такой знакомый и привычный, с исхоженными маршрутами и проторёнными тропами, на какую-то неуловимую микросекунду исчезает. Он «свёртывается» обратно в *логическую конструкцию*, из которой когда-то *был собран* — сложился в нашем представлении как многообразная целостность. Это момент можно описать как *непредвиденный сбой, мгновенное ослепление*, которое прерывает плавное течение мыслительного процесса. На уровне опыта мыслящего субъекта оно воспринимается как возникновение Вопроса или даже изумление, о котором говорили Платон¹⁰ и Аристотель¹¹. То есть это не тот Эдип, который выкалывает себе глаза, чтобы не видеть последствия совершенного им преступления, но тот Эдип, который, став незрячим, впервые начинает видеть отчётливо.

Не нужно большого ума, чтобы видеть мир своим обычным зрением и толковать его как заблагорассудится, — здравый смысл в помощь! Гораздо более амбициозная задача — проникнуть в специфическое измерение, где мир *ещё* не возник в качестве данного конкретного многообразия вещей и событий, но *уже* находится на грани своего рождения, буквально за мгновение до него. Написать «Науку логики» — означает проникнуть в это неуловимое, в повседневном опыте, измерение и заставить его застыть, словно на фотоснимке.

Это указывает на «слепую зону» в рассуждениях древних философов. Когда в самый первый раз Гераклит, или Парменид, или Пифагор (или кто-то другой) почувствовали *неудобство, неудовлетворённость, затруднение* при мысли, что они не понимают истоков собственного знания и мышления, то именно в этот момент они и *находились в точке отсчёта, в этом истоке*. «Темнота» афоризмов Гераклита, или апория Зенона (как демонстрация мысли Парменида), или «алогические числа» (несоизмеримость длины окружности и диаметра) пифагорейцев — лучшее свидетельство того, что они прикоснулись к самому Началу (в том числе — и к началу их самих как мыслящих субъектов), и именно поэтому (!) столкнулись с невозможностью его выражения.

¹⁰ Платон. Теэтет. — Москва-Ленинград.: Государственное социально-экономическое издательство. 1936. — С. 41.

¹¹ Аристотель. Метафизика. — М.: Институт философии, теологии и истории святого Фомы. 2006. — С. 36.

Раньше мы полагали, что сложности возникают при попытке определить начала нашей мысли, первичное основание, — сетовали, что, мол, наш разум ограничен, и «только Бог может знать все». Но оказалось, что именно само столкновение со *сложностью, неразрешимостью* — это и есть момент начала мышления, который затем отражается в сознании мыслящего субъекта в *перевёрнутом, «инвертированном»* виде как возникший вопрос о Начале, Истоке (*ρχή*).

В этом плане «Наука логики» Гегеля — это *обратная инверсия* («инверсия инверсии») античной философии, если угодно, её «фотографический негатив». Вместо того чтобы искать какое-то определённое понятие, которое станет основой нашего мышления (Бытие, Становление, Сущность, Единое...) и ликвидирует все противоречия обыденного сознания, мы постулируем само противоречие в качестве *единственного «маркера»* достижения основы мышления, из которого мы станем выводить все понятия.

По сути, это и есть нерв, движущий импульс «Науки логики». Каждое новое понятие — ликвидация противоречия, которое «сжимается» в некое «тождество» конкретной логической формы, а затем снова стремительно разрастается, словно биологически агрессивная форма жизни. Так образуется логическая форма без «тождества самой себе» — потому что все конкретные понятия, на которую делали ставку эллины, являются вторичными проявлениями или «аватарами» этой основы мышления, но *не самим этим основанием* (!). Мы всё время отталкиваемся от него, будто пловец от дна, чтобы всплыть на поверхность. А всё потому, что само основание нашей мысли мы увидеть не можем, но только уловить *момент его прохождения, прикосновения к нему*.

Это обстоятельство демонстрирует структурную значимость кантовской философии для проекта Гегеля. Фактически они находятся в своеобразном симбиозе: Гегель «включается» в концептуальное устройство, созданное Кантом, и, что самое примечательное, осознаёт это обстоятельство, то есть — определённую «вторичность» своей собственной мысли¹². То, что для Канта представлялось неразрешимой трудностью, а именно — невозможность обоснования спекулятивного «догматического» тезиса, в гегелевской перспективе, напротив, становится главным ориентиром для установления аутентичного порядка познания. Там, где мыслящий субъект, по идее, должен был признать ограниченность возможностей собственного разума, тоскливо блуждая внутри неразрешимого спора, как раз и коренится принципиальное решение. Именно здесь происходит слияние «субъективной» и «объективной» перспектив, снимается разрыв «сознания и его

¹² А что ещё значит «диалектика» в исторической перспективе, как не это осознание собственной «вторичности», подведения итогов некоего процесса в моменте настоящего?.. Впрочем, Т. И. Ойзерман в своей монографии, специально посвящённой сравнению философских проектов Канта и Гегеля, справедливо указывает, что общая оценка Гегелем кантовского наследия со времени «Науки логики» заметно изменилась — стала превалировать тенденция скорее обозначать разрыв, чем подчеркивать преемственность (Ойзерман Т. И. Кант и Гегель: Опыт сравнительного исследования. — М.: Канон+РООИ "Реабилитация", 2008. — С. 493). Но это уже отсылает нас к вопросу о последовательности самого Гегеля — насколько строго и методично он следует своему собственному замыслу. И это касается не только оценки кантовской философии.

противоположности» — и берет своё начало («Абсолютное», то есть — лишённое произвольности, случайности) знание.

Гегель формулирует этот ход мысли во «Всеобщем понятии логики» следующим образом:

«Уже названная нами рефлексия (то есть «деятельность рефлектирующего рассудка». — *А. С. и В. Г.*) заключается в том, что выходят за пределы конкретно непосредственного и определяют, и разделяют его. Но равным образом она должна выходить и за пределы этих своих разделяющих определений (*trennenden Bestimmungen*), и прежде всего соотносить их. В стадии (*auf dem Standpunkte*) этого соотношения выступает наружу их столкновение. Это осуществляемое рефлексией соотношение само по себе есть дело разума (*Vernunft*); возвышение (*Erhebung*) над указанными определениями, которое приходит к пониманию их столкновения, есть большой отрицательный шаг к истинному понятию разума. (...) противоречие как раз и есть возвышение разума над ограниченностью рассудка и её устранение. (...) сделать отсюда последний шаг вверх, познание неудовлетворительности рассудочных определений» [Гегель Г. В. Ф., 1997, с. 36].

То есть момент обнаружения Истины или «Абсолютного знания» — это *столкновение* (*Widerstreit*) или *противоречие* (*Widerspruch*) определений рассудка. И вот здесь-то и происходит «свёртывание» многообразного мира («разделённого» рефлектирующим рассудком) *обратно в логическую конструкцию* (*Понятие, «Begriff»*) — возвращение к началу, к самому основанию мысли. Противоречие — как прямое указание на основание мысли, на «Абсолютное знание» — отражается в сознании субъекта как противоречие *внутри* его мышления между созданными им «рассудочными определениями» (*Verstandsbestimmung*). Субъект ищет, как его преодолеть, хотя на самом деле он *самолично занимает уникальную позицию, где уже противоположность снята*, то есть в этот самый момент «возвышается» (*erheben*) над ограниченностью рассудка (*Beschränkung des Verstandes*). Он не может эту позицию непосредственно описать, она остаётся в «слепой зоне», но зато может использовать её в качестве «режима перезагрузки» *собственного мышления*. Примерно как у спящего — решение интеллектуальной задачи происходит в фазе «парадоксального сна» («REM-фаза»), но *выразить* это решение он может только после пробуждения — ибо только после пробуждения он снова становится *тем бодрствующим субъектом*, которому и была поставлена задача, а не «сновидцем».

В результате о достижении основания знания мы *узнаем только благодаря противоречию*. А потому выходит, что фундаментальный уровень знания, каковым и является гегелевская Логика, не предоставлен познающему с самого начала, но его *приходится постоянно реконструировать* — «вытаскивать», буквально хирургически его извлекать из *логических противоречий*, в форме которых он только и может «симптоматически» проявляться. Это странная «территория», на которой можно задержаться, если находиться в непрерывном движении. Логическая форма неустойчива, потому что она и есть само по себе *возвышение над противоречием*, но этим его природа и исчерпывается — нужно постоянно продлевать это усилие, чтобы сохранить эту форму, не дать ей развалиться под влиянием раздирающих её

противоположных устремлений. Только в акте возвышения (*Erhebung*) над противоположностями эта форма и сохраняется.

«Акт возвышения» против «акта самоограничения» у Канта — специфический *гегелевский жест*, который нацелен на удержание противоречия в качестве «маркера» основания мышления, возвращения к точке отсчёта — к началу нашего знания о себе и о мире. «Точка сохранения» в компьютерной игре: место в виртуальном мире, где игрок оказывается неуязвимым, поскольку может загружаться на достигнутой точке бесконечное число раз.

Заключение. Противоречие и статус Понятия в «Науке логики»

Теперь стоит сказать несколько слов об открывшейся перспективе. Во избежание недоразумений — чтобы предостеречь от тривиального понимания сказанного выше.

Эта фундаментальная логическая конструкция, «Понятие» (*Begriff*), совершенно не похожа на «рентгеновский снимок» или «энцефалограмму» эмпирически воспринимаемого мира. Она не воспроизводит его внутреннюю структуру — карту, схему или чертёж. Понимать её таким образом — значит оставаться на уровне рассудка и его страсти создавать подробные «аналитические схемы» из однородных «мысленных определений» (*Denkbestimmung*). Поэтому бесполезно искать эмпирические иллюстрации для «Бытия» (*Sein*), «Наличного бытия» (*Dasein*), «Нечто» (*Etwas*) и т. д., так как речь не идёт о соответствии между отдельными изолированными понятиями и элементами реальности.

Это не какое-то определённое понятие, извлечённое из множества других подобных ему понятий, но нечто принципиально иное — Понятие «с большой буквы», *Понятие как таковое* (*Begriff als solcher*). Понятие как («абсолютная») форма мышления, которая ещё не получила конкретное содержание развёртываемого в нашем опыте мира. Понятие, которое, по Гегелю, является «тем же самым, что и Бытие». Иначе говоря, это и есть искомая точка мышления, «внедрённого» в свой предмет, которому оно *ещё не успело* себя противопоставить, область «самозамыкания», где Мышление и Предмет совпадают, — иначе говоря, тот самый «*gegenständlicher Verstand*».

В этом смысле каждый параграф «Науки логики» — это не *новое* логическое понятие, которое вводит Гегель «в дополнение» к старым, но *всегда одно и то же* Понятие (!). Только оно обладает удивительной нестабильностью и «полиморфностью» — ибо это тождество, «сгенерированное» из противоположностей и переходов между ними, у него нет своей собственной основы, на которую можно было опираться — и представлять перед мышлением в качестве заранее данного предмета. А потому оно все время распадается, чтобы затем собрать себя заново, и всякий раз — в новой форме.

Это одно-единственное (или, как говорит Гегель, «абсолютное») Понятие не отсылает к какой-то конкретной вещи и не является её «ментальной копией» или «репрезентацией» взаимодействия между отдельными вещами. Но оно содержит

в себе *весь* мир — не определённый конкретный мир, данный нам в опыте, но ещё не состоявшийся как эмпирический факт, как если бы мы остановили время, заставили сущее «застыть» на грани своего физического воплощения, за секунду до его рождения.

В этом смысле Понятие можно интерпретировать как репрезентацию «онтологически нестабильного», «переходного» состояния. В данной фазе это сущее уже обладает бытием, но не конкретным единичным бытием, а Бытием как таковым (*Sein als solches*). Уже не просто мысль, но ещё не физическая вещь. (Или наоборот, с нашей субъективной точки зрения, когда мы возвышаемся над противоречиями рассудочных определений, связанных с конкретными вещами, то в таком случае это уже не вещь, но ещё не мысль, рождённая внутри мозга конкретного мыслящего субъекта.)

Поэтому Логика Гегеля больше напоминает Логос Гераклита, чем «субъективную» или формальную логику (что, впрочем, не должно быть особым сюрпризом). Пульсация «бесконечно рождающегося и умирающего Мирового Огня» — хороший образ, чтобы представить, как Понятие *раскрывается* в мир и как потом мир «сворачивается» обратно в Понятие. И это не фантастическая гипотеза (хотя, при желании, можно поддаться искушению и увидеть здесь теологические и мистические перспективы — как это с самим Гегелем, собственно, и произошло), а реконструкция нашего опыта мышления — пройти *через* противоречие, в котором знакомый нам привычный мир отменяется, а потом «пересобирается» заново. Существовать *на грани* (ещё/уже сохраняющейся) «структурности» и (уже/ещё начинающегося) распада, «тождественного» и «противоречивого», в «переходном состоянии» — разве не в этом отличительная черта гегелевской инициативы? И разве не в этом *специфика нашего мышления*?

Понятие не служит воспроизведению «чувственной реальности», но при этом и не находится ни в каком «субъективном Я» в качестве атрибута его мышления. В зависимости от фазы прохождения Круга оно уже перестало быть предметом, но ещё не стало мышлением — и наоборот.

Иначе говоря, долгожданное «замыкание», момент прохождения круга Знания — это и есть *переход от абстрактного* определения *рассудка* (*Denkbestimmung*) к *Понятию разума* (*Begriff der Vernunft*). Но сложность заключается в том, что Гегель не может сразу показать само Понятие — поэтому и приходится начинать с абстрактных определений и уверять, что эта лягушка — на самом деле заколдованная принцесса, то есть случайная, изолированная абстракция — на самом деле Абсолютное знание. Каждый параграф «Науки логики» устроен как «малый круг», при прохождении которого мы попадаем ровно в эту точку, с которой начинали. Гегель специально фокусирует внимание на этом «замыкании» — как простое определение через переход в собственную противоположность возвращается в само себя. И так, наматывая эти круги, движемся по «кругу большому» — к осознанию *единственности* («абсолютности») Понятия, к Понятию как таковому (*Begriff als solcher*).

«Понятие» — это крайне загадочная вещь. Внутри «Круга», на уровне «*Menschenverstand*», вполне *понятно, что такое Понятие*, — и можно даже не замечать тавтологии, которая засела, как заноза, в этой формулировке. Гегель и обращает внимание, что здесь всё далеко не так очевидно и однозначно — что мы, как раз, по сути, и не знаем, что такое «Понятие», то есть — логическая форма или конструкция, которая *делает возможным понимание* какого-либо предмета. Представьте, что есть нечто, что наше мышление зафиксировать не может, и это нечто *проявляет, показывает себя* только в условиях неразрешимого противоречия («антиномии»).

«Да мы его знаем! Это ваше «нечто» — просто логическое понятие!» — равнодушно говорит «*Menschenverstand*» и пожимает плечами. Но тем самым он «промахивается» мимо гегелевской инициативы.

Всё как раз наоборот: то, что вы называете «логическим понятием», — и есть это «нечто», что от вас ускользает, и которое вы из-за фундаментального ограничения мышления не можете понять. Оно требует для своего раскрытия модели с неизвестным «кругообразным» процессом и специфического инструментария для его анализа, который размечает узловые моменты этого процесса («замыкания») и тем самым его реконструирует. Мы не знаем, «что» и «где», но только — «когда», и потому вынуждены работать лишь с этим параметром.

«Понятие» — это именно *момент, временная точка*, которую постоянно «проскакивает» мышление в своём движении по кругу. Там, где вечно умирает и рождается знакомый нам мир — мир «само-понятный», «логически освоенный». Он кажется стабильным и предсказуемым, пока его не взорвёт очередное противоречие, требующее его «пересборки». И весь вопрос дальнейшего развития темы не только и не столько в том, как в этой точке удержаться и развернуть её в отдельную отрасль знания, — в конце концов, Гегель это уже сделал. Но скорее понять подлинное значение предпринятой им попытки.

Для интеллектуальной культуры. Для философской теории познания. Для современной экспериментальной науки. Для будущего.

Литература

1. Аристотель. Метафизика. — М.: Институт философии, теологии и истории святого Фомы. 2006.
2. Власов А. Д. Словарь по философии Гегеля: В 2 т., Т. II: Наука логики. — М.: Заря, 2000.
3. Гегель Г. В. Ф. Наука логики. — СПб.: Наука, 1997.
4. Гегель Г. В. Ф. Наука логики. — М.: Издание Профкома слушателей Института красной профессуры, 1929.
5. Кант И. Критика чистого разума / Пер. с нем. Н. О. Лосского с вариантами пер. на рус. и европ. языки. — М.: Наука, 1998.
6. Мейясу К. После конечности: Эссе о необходимости контингентности. — Екатеринбург-Москва.: Кабинетный ученый. 2015.

7. Ойзерман Т. И. Кант и Гегель: Опыт сравнительного исследования. — М.: Канон+РООИ «Реабилитация», 2008.
8. Платон. Теэтет. — Москва-Ленинград.: Государственное социально-экономическое издательство. 1936.
9. Hegel G. W. F. *Wissenschaft der Logik*. 1832. URL: <http://www.zeno.org/nid/20009177124> (дата обращения: 27.01.2022).
10. Kant I. *Kritik der reinen Vernunft*. 1787. URL: <http://www.zeno.org/nid/20009188398> (дата обращения: 27.01.2022).

References

1. Aristotle. *Metafizika* [Metaphysics]. Moscow: Institut filosofii, teologii i istorii svyatogo Fomy, 2006. (In Russian.)
2. Hegel G. W. F. *Nauka Logiki* [Science of Logic]. Moscow: Izdanie Profkoma slushatelei Instituta krasnoi professury, 1929. (In Russian.)
3. Hegel G. W. F. *Nauka Logiki* [Science of Logic]. St. Petersburg: Nauka, 1997. (In Russian.)
4. Hegel G. W. F. *Wissenschaft der Logik*. 1832. [<http://www.zeno.org/nid/20009177124>, accessed on 27.01.2022].
5. Kant I. *Kritika chistogo razuma* [Critique of Pure Reason]. Moscow: Nauka, 1998. (In Russian.)
6. Kant I. *Kritik der reinen Vernunft*. 1787. [<http://www.zeno.org/nid/20009188398>, accessed on 27.01.2022].
7. Meillassoux Q. *Posle konechnosti: Ehsse o neobkhodimosti kontingentnosti* [After Finitude: An Essay On The Necessity Of Contingency]. Ekaterinburg-Moscow: Kabinetnyi uchenyi, 2015. (In Russian.)
8. Oizerman T. I. *Kant i Gegel': Opyt sravnitel'nogo issledovaniya* [Kant and Hegel: The Experience of Comparative Research]. Moscow: Kanon+ROOI "Reabilitatsiya", 2008. (In Russian.)
9. Plato. *Tehtet* [Theaetetus]. Moscow-Leningrad: Gosudarstvennoe sotsial'no-ehkonomicheskoe izdatel'stvo, 1936. (In Russian.)
10. Vlasov A. D. *Slovar' po filosofii Gegelya: V 2 t., T. II* [Dictionary of Hegel's Philosophy: in 2 volumes, vol. 2]. Moscow: Zarya, 2000. (In Russian.)

An instant before the world is born or How to survive in the realm of shadows (quest for the keys to Hegel's «Science of Logic» — key No. 4)

Alexey A. Sukhno,

Moscow Aviation Institute (National Research University), Moscow, Russia,
volyakvlasti@mail.ru

Viacheslav V. Gulin,

Institute of Computer Aided Design of the Russian Academy of Sciences (ICAD RAS),
Moscow, Russia,
kornet104@gmail.com

Abstract: The article is related to the revealing of the intent of Hegel's "Science of Logic". As authors take it, there is an attempt to imagine the fundamental level of reasoning, where there is no opposition between cognition and its object. In this dimension there is no need to substantiate compatibility between them — it is a level of primary foundation of knowledge. Consequently, any knowledge at this level may be characterized as "Ultimate". That being said, place of such knowledge is not taken by several specific statements, but by the certain way of organizing those "mental definitions" that are already used by common human sense. To organize these definitions, to arrange them into consistently deployed sequence of logical notions, there is need to abort the search for the primary foundation for knowledge inherent in philosophy from its very origins. This attempt was reflected in Kant's theory of knowledge, where the problem of the reliability of knowledge was solved due to self-limitation in the process of cognition — it was necessary to stop before a certain line, beyond which thought leaves "the limits of possible experience" and falls into the area of insoluble contradictions (antinomies). Hegel's Logic, which, according to the authors, is in a kind of "symbiosis" with the Kantian program, consists in considering these insoluble contradictions precisely as a "symptom" of achieving the primary foundation of knowledge. It is in the collision with an insoluble contradiction that the definitions are organized in the necessary logical sequence, and that fundamental level is reached where there is no opposition between cognition and its object.

Keywords: Hegel, «Science of Logic», theory of knowledge, truth, Kant, thought, concept, antinomy, reflection of understanding.